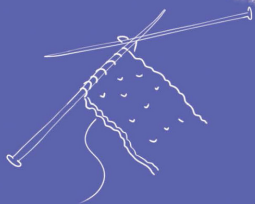

ПОМОГИ МНЕ
ВЛЮБИТЬСЯ!

Елена Нестерина

Елена Вячеславовна Нестерина

Помоги мне влюбиться!

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39830164
ISBN 9785517019998

Аннотация

Целый Божий день – с утренней зари до вечерней, с ранней весны и до поздней осени на пересечении двух улиц сидела торговка зеленью... Стоп! А дальше начинается магия. Ведь если купить у неё пучок петрушки или укропа, правильно выполнить условия несложного обряда, то желание исполнится. За помощью к загадочной старушке шли в основном те, кому не везёт в любви. Может, Надюшке тоже пора влюбиться и таким способом усилить свои чары? Или лучше воспользоваться услугами родной бабушки, которая тоже начала оказывать магические услуги?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Нестерина

Помоги мне влюбиться!

Глава 1

Зелёный пук

Целый Божий день – с утренней зари до вечерней, с ранней весны и до поздней осени в нише тёмного кирпичного дома на пересечении двух улиц, под небольшим самодельным навесом сидела торговка зеленью. Товара у неё всегда было немного, и выбор самый незамысловатый: укроп, петрушка, лук, летом ещё щавелёк, базилик и мята, весной редиска, а осенью прибавлялся сушёный чабрец, который зеленщица держала связанным в пучки.

Сидела она, сидела, время от времени взбадривая свои лопухи свежей водичкой из пластиковой бутылки с дырками-лейкой в крышке и взбивая их зелёную массу резкими, но бережными движениями. Подходили к ней покупатели, спокойно и ровно зеленщица торговала, не вступая с ними ни в перепалки, ни в бла-бла-блание. И даже, как пройти-проехать, никому никогда не объясняла.

Кто приносит ей еду, кто зелень доставляет – было непонятно. Казалось, она всегда на своём месте, никогда никуда

не уходит. Но ведь не может такого быть! Однако же нет – ни того, чтобы зеленщица покидала свою торговую точку в течение дня, ни появления каких бы то ни было её помощников никому увидеть не удавалось. Наверное, конечно, весь товар привозился на точку очень ранним утром, и сворачивалась торговля самым поздним вечером, когда под светом фонарей и в мелькании людского потока проследить за чем-либо оказывалось сложно.

Была торговка зеленью, наверное, старая. Точнее сказать, какая она, не представлялось возможным – то ли недавно состарилась, то ли мумифицировалась в этом состоянии лет тридцать назад: лицо её всегда как-то ускользало от взора, сколько бы человек ни старался всмотреться в него. То платок со лба зеленщицы падал, то она вдруг отворачивалась, то наклонялась, то трепала и крутила у себя перед носом пучки зелени, за мельканием которой присмотреться к физиономии тётеньки было невозможно. А то и просто не до разглядывания оказывалось – выбрал товар, принял его, передал деньги, получил сдачу – и будь здоров, иди, покупатель, дальше!

Казалось бы, сколько их вокруг – торговков самым разным товаром, жизни не хватит на всех обращать внимание.

Но только не на эту.

Потому что была с этой зеленщицей связана некая тайна. Не тайна даже, а что-то ещё более масштабное...

Если лицо её терялось, смазывалось, ускользало и не за-

поминалось, то руки, сухие морщинистые руки зеленщицы притягивали внимание. Особенно одна рука. Левая.

Точнее, ноготь на этой руке. Ноготь большого пальца. Он был не таким, какие росли на остальных пальцах старухи, и не таким, какие вообще обычно у людей. Кость это была – длинная и торчащая наружу. Кость, а не ноготь никакой! Толстая, гладкая, вылезая из-под кожи и достигающая сантиметров пяти в длину кость. Тусклый матовый цвет её наводил на мысль о том, что кость эта очень древняя; что долго-долго существует она уже на свете. Чисто отмыли её дожди, отполировали колючие зимние ветры, и звери её, такую твёрдую, сгрызть не смогли, только гладко обглодали. Но вот почему этот ноготь-кость оказался на руке не обглоданного, а вполне живого человека, с остальными ногтями, пальцами и прочими конечностями вполне нормальными?

Каких только странностей с людьми на свете не случается! Каких только недостатков развития, увечий и уродств не бывает – великодушный или просто воспитанный человек из всех сил постарается не обратить на подобное внимания. Поэтому никому не было бы даже и до этого древнего костяного ногтя никакого дела, если бы он не мелькал над пучками укропа и петрушки, если бы люди не следили с ожиданием за его движениями...

Вряд ли кто-то теперь вспомнит, когда это случилось, кто первым обратил внимание на то, что делает эта зеленщица...

А что делает?

Ничего такого, просто выбирает зелень из кучи и связывает в пучки. Связывает, складывает, перекладывает, протягивает покупателям, деньги отсчитывает. Всё...

А вот и не всё! Потому что связывает-то связывает, да не просто...

За всеми действиями торговли зеленью скрывался магический смысл.

Не то чтобы она колдовала. Вернее, именно не колдовала. Больше...

Происходило это вот как. Уверенно цапнув левой рукой пук травы, старуха брала нитку и закручивала ею стебли. Закрутила – и раз! Твёрдым костяным ногтем перерезала её. Хватить следующий пучок, хватить следующий.

Нитки были всегда разные. Но сильный ноготь справлялся с любой. Не важно, толстая оказывалась нить в клубке или на катушке, тонкая, крепкая или жиденькая, перерывала её старуха неизменно одним точным движением. Гладко отполированный со всех сторон ноготь не резал, не рвал, а перетирал – таким образом, видимо, ещё и ещё полируясь.

Иногда, перевязывая и сортируя свой товар, зеленщица пела. Или приговаривала. Вполголоса, глухо, монотонно. Продаст что-то очередному покупателю – и тут же продолжает, чуть покачиваясь, дальше наматывать нитки на пучки, отсекал их от клубка или катушки, встряхивать свои укропы, шевелить редиску.

И вот если оказаться в такой момент рядом с ней, если

увидеть, как она наматывает новую нитку на пучок, если услышать, что она поёт при этом, если ухитриться купить именно тот пук зелени, над которым она пропела или пробубнила (а не тот, который лежит уже среди готовых), если съесть купленное (не важно что), загадав при этом желание и намотав на запястье нитку с пучка – то желание это обязательно сбудется! Как только перетрётся и отвалится с запястья нитка.

Обязательно сбудется!

Любое!

Даже самое безумное, самое **НАИНЕВЫПОЛНИМЕЙШЕЕ** – сбудется.

Потому что сбывалось у всех. Всегда.

Если только все условия бывали соблюдены. Наверное, если бы кто-то пожелал мир во всём мире или вечную жизнь всем-всем-всем – сбылось бы. Но в основном к зеленщице шли те, кто страдал от неразделённой или несчастливой любви. Ведь не секрет, что именно в решении любовных проблем люди надеются на магию. Так что да – за любовь, именно за любовь шли к этому неприметному лотку с зеленью.

Но не так-то просто было поймать момент, когда выполнялись все условия магического процесса. Если кто-то покупал зелень, а торговка наматывала нитку на пучок и молчала – это вообще не считалось. Если сказанные зеленщицей во время наматывания слова человек расслышал не так, не

все, или неправильно понял, а потому переврал – всё, пролетел, не выполнится его желание.

Потому что слова, которые удавалось услышать в момент обматывания магического пучка, можно было расценивать как прорицание, связанное с исполнением загаданного желания и дальнейшей судьбой загадывавшего.

Чаще же случалось так, что зеленщица, и внятно спев, и как следует ниточку намотав, давала магически настроенному покупателю не тот пучок (она, как и любой продавец, норовила в первую очередь реализовать уже чуть полежавший товар), а тот, что только что обмотала, откладывала на край или скидывала под прилавок, в кучу ожидания. Тоже незачёт, считай, впустую за магией человек пришёл, не считается.

Иногда, когда кто-то начинал просить не то, что она выдавала, а именно только что обработанный магией пук, торговка с удивлением поднимала глаза, переводила их с недовольного покупателя на свою продукцию, осматривала её – и выражение на лице у неё было «В чём проблема, все товары хороши!». А потом или действительно отдавала то, что человек требовал, или начинала выбирать из общей кучи и предлагать другие, не менее качественные, на её взгляд, пучки и стебельки. Тот самый пучок, на который незадачливый покупатель делал ставку, мог затеряться, завалиться. Начинались прения, если стояла очередь хотя бы из двух человек, сразу росло недоумение и раздражение, на злосчастного ка-

призника или капризницу гневно шикали, осуждали. Так что приходилось сдаваться...

Одним словом, часто не удавался магический обряд.

Очень часто.

Но те, чьё желание исполнилось, у кого сложились все пазлы волшебного действия, кто увидел, как невозможное рукотворно-чудесным образом стало возможным, уже не могли этого забыть. И смотрели на мир и происходящее в нём другими глазами. Своими же глазами, конечно, но как будто с закапанными в них каплями воплощённой невероятности.

И никому об этом уже не рассказывали. Или рассказывали – но изредка.

Охотно же рассказывали те, у кого почти сбылось, почти получилось – но в конечном счёте сорвалось. Потому что недомоталось. Недослышалось. Недодалось. Недоубедилось...

И они продолжали верить, надеяться – и начинать сначала. Приходить к разложенной на маленьком прилавке зелени, улучать момент, смотреть, слушать, платить, хватать, бежать, есть, загадывать – и ждать...

Глава 2

Реклама чудес

Сегодня утром по дороге в школу (дорога эта от дома до школьного порога была всего метров восемьсот дворами и пешком) Надя Стоеросова снова села на автобус и сделала огромный крюк – таинственная зеленщица торговала в соседнем районе города.

Надя вышла из автобуса. Постояла возле прилавка с зеленью. Именно просто постояла, ничего не предприняв. Редко, но косо накрапывал дождь, затекал как раз под навес, под которым прятались старая торговка и её салатный ассортимент. Прилавок был накрыт полиэтиленом, и зеленщица не занималась формированием новых пучков. Просто сидела, глядя на проезжую часть. Покупателей возле неё не наблюдалось.

Но, когда Надя поравнялась с прилавком, из-за угла выскочил молодой человек с большим зонтом, подлетел к торговке, протянул зажатые в кулаке деньги. Зеленщица сунула руку под полиэтилен, вытащила пучок кудрявой петрушки. Молодой человек с добычей отлетел в сторону, как показалось Наде, стараясь поскорее слиться с толпой.

Это ему удалось. Вполне можно было подумать, что просто идёт себе молодой клерк, просто с зонтом в одной руке

и просто с букетом петрушки в другой. Но лицо взволнованное, одухотворённое такое лицо. Сколько было возможно, Надя за лицом его наблюдала. Считанные секунды – и вот уже ей было видно только спину в пальто и чёрный зонт, скрывающий голову.

Но вдруг удалившийся уже было молодой человек остановился, заметался, задев при этом двух людей и нарушив тем самым стройность общего потока. Надя спешно устремила за ним – ну интересно же!

Забыл! Дяденька точно забыл, что надо было процесс обмотки зафиксировать, слова услышать, правильный пучок из рук продавщицы взять! А он что: хватать! – и бежать! Эх...

Без сомнения, молодой человек это с запозданием тоже понял. Очень, видно, волновался перед покупкой, боялся, что его заметят, в чём-то постыдном уличат – вот всего и не учёл.

А очень, видимо, хотел, чтобы исполнилось его желание! В этом не было никаких сомнений. Надя специально забежала вперёд и посмотрела ему в лицо. Взрослый парень лет двадцати пяти был расстроен. Деморализован даже. Получая то зонтиком по зонтику, то гневной попой любительниц строевого уличного порядка по бедру, то углом сумки куда попало, он стоял, не в силах двинуться ни в одну сторону. Переступал с ноги на ногу, вертел перед собой пучком петрушки. Надя видела, как растерянно он озирался, не зная, куда этот пучок девать. Его размышления словно написаны

были у него на мокром и побледневшем лице: куда теперь эту траву девать? Волшебным считается пучок или нет? Что случится, если его выбросить, – ничего страшного? Или ещё хуже станет? А если не выбрасывать, то что тогда с ним делать? Есть или не есть? Загадывать желание или не загадывать?

Вот бедолага сунул пучок в карман – но тут же вытащил. Вот попытался пристроить его в портфель, висящий на длинной ручке. Снова не решился. Зонт тем временем скользнул в его расслабившейся руке, ударил пружинистыми спицами доньшка по голове. Незадачливый гадалщик вылез из-под зонта и, тут же забыв о нём, опустил. Огляделся. Увидел урну, зашагал к ней. Но, не доходя двух метров, остановился, горестно выдохнул «А-ай!!!» С размаху бросил злосчастный пучок на асфальт и принялся топтать, рыча, вскрикивая и всхлипывая. Как будто топтал свои надежды. Мечты, которым не судьба сбыться.

Теперь молодому уважаемому клерку было совсем не до имиджа (который он так боялся утратить во время покупки магической травки). Растоптав петрушку в зелёную массу и размазав её по мокрому асфальту, клерк бросился бежать.

Надежда Стоеросова не стала его догонять. Хотя в последний момент в уме девушки проскочила мысль о том, что вот он – стопроцентный клиент! Надо было брать тёпленьким в момент расстройств чувств и утраты надежд.

Братъ – и тащить.

Потому что бабушка Надежды была колдуньей. Ведуньей, гадалкой и пророчицей. И пусть знал об этом далеко не весь город, даже не весь район и его окрестности, а пока только очень небольшой круг лиц, бабушка Мария Ксенофонтовна не унывала. Она наработывала клиентуру и грамотно выстраивала имидж. Чтобы слава о ней передавалась посредством сарафанного радио – бесплатной рекламы, которой из века в век люди доверяли, доверяют и будут доверять больше всего.

Мария Стоеросова учла опыт предшественников, утративших доверие именно из-за слишком громкого и лживого самопиара («Приворожу без греха и вреда!», «Привлекаю денежные потоки НАВСЕГДА!», «Заговор на удачу с гарантией!», «Моментальный и мощный возврат мужа в семью!», «Стопроцентное наказание соперницы!», «Изменяю судьбу за час!», «Отворот и поворот в сторону жены!»), – ничего подобного в её рекламных слоганах не было.

Она никогда не сообщала, что является потомственной ясновидящей в девятом поколении. «Я получила удар – и мне открылся дар!» – с поэтическим выражением на лице говорила Мария Ксенофонтовна. Нужно сказать, что Надежда бабушка действительно в недавнем прошлом упала – на глазах изумлённой публики. Удар был (об лёд удар, о-го-го!), погрузка в «Скорую помощь» силами той же дворовой пуб-

лики была, долгое домашнее лечение тоже было...

Магический дар совпал с выходом на пенсию, освобождением большого количества времени и уменьшением финансирования. И когда нужда уже из всех углов показывала привыкшему хорошо жить государственному служащему Марии Ксенофоновне Стоеросовой свой костлявый кукиш, судьбоносный удар об лёд и произошёл.

...И теперь Ксенофоновна отливала будущее на воске, подробно его комментируя и давая психологические комментарии. Она охотно консультировала к дальнейшим действиям стопроцентные гарантии качества исполнения именно того, что она напророчила.

Гадала на кофейной гуще. Даже чаще, чем на воске. Перед этим читала молитвы, брызгала по углам святой водой, расставляла по столу церковные свечи. «Всё с божьей помощью, всё с молитвочкой, я маг очень белый...» – повторяла она, истово и подолгу крестясь и кланяясь на все стороны света.

Надя бабушке не верила. В смысле не верила тому, что у неё вдруг прорезался этот самый дар.

Но люди шли к её бабушке за магической помощью. По одному, по двое, в основном тётеньки, взрослые девушки, несколько раз Надя видела взрослых дядек, выскакивавших из дверей бабушкиной квартиры.

– Своим не гадаю! – категорически отрезала она ещё на

заре своей карьеры. И не гадала ни Наде, ни её матери. Ни тем более своему сыну, их отцу и мужу (который, кстати, этого и не просил).

Но лучшей Надюшкиной подруге и однокласснице Марьяне Хвастович погадала. Бесплатно, конечно, по причине её детского возраста. И восковую плюху в крещенскую воду отлила, и кофейную чашечку в блюде опрокинула. Восковую плюху с горами успеха и пиками взаимной любви велела спрятать под подушку и никому не показывать. Амулет потому что! Любовный! А не игрушка...

Марьяна принялась готовиться к пришествию любви. Любви, как следовало из гадания Ксенофоновны, в её будущем планировалось очень много.

Ждать любовь и готовиться её встретить с достоинством, вооружённой красотой и обаянием Марьяне пришлось недолго.

Влюбилась она сразу же.

Сразу же – как увидела брата парня своей старшей сестры. И пусть брат этот проживал с семейством в их же районе, так что они если не были знакомы, то уж виделись неоднократно, это точно. Пусть – «тогда» не считалось.

Теперь она увидела его по-новому.

Брат был хорош, выросл (семнадцать лет!), быстро ответил взаимностью.

Сёстры Хвастович пребывали в счастье.

Узнав об этом, Надежда Стоеросова успела только ахнуть. И поверила-таки в магические способности бабушки.

Восхищённая Марьяна, на крыльях любви порхая по школе и двору, разнесла весть о великой пророчице.

В дом Ксенофоновны потянулись юные девицы. Вещунья удивляла, пугала, но воодушевляла их своими прогнозами и предсказаниями, потрясала удивительно точными знаниями об их прошлом – и повергала в шок информацией о том, как и какое деяние из прошлого отзовётся в будущем.

Девушки озадачивались. Откуда гадалка могла знать об их прошлом, по-прежнему было для них тайной – как и в древние времена, так и в век социальных сетей и прочей информации, свободно лежащей в открытом доступе. Вдруг озвученный гадалкой факт биографии бил со стопроцентной точностью; вера в магическую силу Надюшкиной бабушки ещё более усиливалась...

Потому что любви людям девучкового возраста хотелось очень. Ярких незабываемых отношений, серьёзных романов, подарков, поездок, роз, бриллиантов... Настоящей жизни! Мария Ксенофоновна обещала всем, что будет. У каждой в разное время, с разными подробностями, но будет, будет, будет!

Надя смотрела на свою бабушку – и не переставала удивляться. Сомневаться и насмехаться, как раньше, она уже не могла, проверить напрогноченное будущее пока тоже. Оставалось Надежде верить. В любовь. Прекрасную и чужую.

И в бабкины способности, конечно же.

Предприимчивая женщина Мария Ксенофоновна быстро заметила ростки внучкиной лояльности – и заняла пятнадцатилетнюю бездельницу полезным трудом. Так что если раньше Надюшка приходила к любимой бабушке только в гости (Надя с родителями жила недалеко, через два двора), то теперь мистическая дама стала просить её бывать чаще. Приходить и помогать убираться: подмести после каждого посетителя – в смысле вымести весь негатив и ненужную энергетику, вымыть специальную турку, чашки и блюдца из-под гадального кофе.

– Так уж положено, чтобы следы выметала невинная рука, – торжественно, точно беря Надюшку в равноправные сотрудники, в первый же день объяснила это бабушка, ласково погладив внучку по плечу. – Душа чистая, непорочная. Как моя Надюшка. Помогай, помогай бабушке. А в это время бабушка старенькая отдохнёт, полежит... Сил наберётся. Сил – знаешь, зайка, сколько они у меня сил-то отнимают, клиенты! И-и-и, и не спрашивай, золотая моя!

«Старенькая бабушка» пропускала рюмочку-другую сладкой наливки, до которой была большая охотница; набирала ванну, напускала туда собственноручно приготовленного молодильного отвара пополам с пеной, расслаблялась, читала газету.

После особенно тяжёлых случаев бабушка хворала особо.

Ей требовалось долго лежать на диване под ватным одеялом. Лежать, пить чай с чем-нибудь сладеньким (чай должна была подносить к ложу пророчицы Надежда, конфетки-бараночки тоже). Слабой рукой уставшая матрона направляла пульт в сторону экрана телевизора. И щёлкала, щёлкала, перепрыгивая с программы на программу. Час щёлкала, два, иногда и больше. Если не засыпала. А засыпала – Наде нужно было аккуратно вытащить пульт из ослабевшей руки бабушки, выключить телевизор, унести кружки и вазочки, подоткнуть вокруг уснувшей одеяло. И деликатно удалиться. Но обязательно разбудить ответственную предсказательницу за сорок минут до прихода следующего клиента, если он бывал к ней записан! Обязательно!

Надя старалась. Как самая верная и неутомимая помощница помогала. Потому что была тоже ответственным человеком и любящей внучкой.

И ещё потому, что надеялась – когда-нибудь всемогущая бабушка поможет и ей.

Обязательно поможет! Даже несмотря на то, что родственникам она не гадает, была уверена Надя, бабушка обязательно даст ей понять, что ждёт её в будущем. В будущем, которое Надежда связывала с одним человеком.

Одним. Молодым. Человеком.

К пятнадцати годам у Нади Стоеросовой было много че-

го: были родные, которых она любила, и были подруги, с которыми она дружила, и были люди, к которым Надя просто хорошо относилась. Но ни их сердечной теплоты и доброго к ней расположения, ни собственной Надиной страсти и старания было недостаточно для того, чтобы исполнилось лично её, Надино, желание. А желала Надя, чтобы Артём – молодой-премолодой человек Артём – полюбил её.

Надежде нужна была взаимная любовь. О-бя-за-тель-но. Взаимная. Без неё Надежда не могла себя уважать. А очень хотелось. Даже то, что «пятнадцать лет, а у тебя всё ещё нет парня» – отходило на второе по важности место. Нет – конечно, всё-таки не очень отходило, Надя была с собой честна и потому отдавала отчёт в том, что и это было важно. «Это» – в смысле социальная роль и значимость. Если девушка симпатичная и что-то собой представляет, то она должна кому-то нравиться. Пусть и не отвечать взаимностью (это даже для имиджа поначалу и неплохо), но нравиться непременно. Уважение окружающих от этого только возрастает и создаёт ценность этой девушки как объекта социума.

Так считалось. А где считалось – в школе, в городе, в микрокомпании двора – Надежда Стоеросова не задумывалась. Считалось – и всё.

Да и Артём был парень зачётный. На год старше её (лучше бы на побольше лет старше, конечно, но и так тоже нормально!). Надежда его выбрала после долгого отсева кандидатур, размышлений, сравнительного анализа. Не такого, ко-

нечно, прямо вот циничного, когда пишутся таблицы с плюсами и минусами поведения выбранного объекта, его внешности, престижности и перспективности. Нет, конечно. В голове и душе Надежды Стоеросовой всё это пронеслось бессознательным вихрем, мозг в молодости работает быстро, чувства вспыхивают моментально. Так что – он, Артём, и всё тут!

Надежда верила. Надежда не могла не верить. Всё ДОЛЖНО быть хорошо. Если любят другие, если любят других – и в её случае любовь возможна. Взаимная, счастливая. Конечно, вечная. Не верить в хорошее было невозможно. И верить в свои силы Надя не переставала.

...Артём Севастьянов жил неподалёку, ходил в соседнюю школу. Их встречи с Надеждой ничем не отличались от миллионов встреч просто знакомых друг с другом людей. У Нади Стоеросовой были все контакты Артёма, но о её любви он не знал.

Как и Надя не знала о том, что за человек этот Артём Севастьянов. Всё, что он посчитал нужным сообщить миру, девушка изучила вдоль и поперёк, любое обновление информации на любом из его внешних ресурсов – от смены ника до появления на улице в новых джинсах или куртке, не проходило для неё незамеченным. Всё, что он задекларировал как любимое, предпочтительное и приемлемое, Надюшка тоже освоила, постаралась проникнуться и понять, быть в курсе и не упускать из виду.

Они встречались – устно и письменно, реально и виртуально. Но – по-прежнему как просто знакомые. Надя не знала, как изменить ситуацию и сделать знакомство *отношениями*. Подруга Марьяна знала, как, но её методы выстраивания отношений Надежде категорически не подходили. Так что, пока Марьяна Хвастович азартно строила дом своей взаимной любви с Матвеем Бормотовым, Надюша страдала и выжидала.

Глава 3

Внучка колдуньи

Магия была повсюду. Магическая связь явлений казалась очевидной. Даже в школе – месте казённом, светском и, казалось, совершенно лишённом романтики, Надя видела проявления чудесного. Что оно работает – таинственное, не поддающееся логическому объяснению.

На экзаменах Наде помогла заговорённая бабушкой на удачу монета. «Гадать – не гадаю, а помочь могу!» – так заявила народная целительница Стоеросова, после долгих магических манипуляций выдав внучке амулет.

И что? Старинный пяточок – мистического 1961 года изготовления, зажатый в ладони руки, которой Надюшка писала тестовое задание, принёс ей невозможную до этого оценку. Пятёрку! Пятёрка по алгебре – случай в её школьной практике небывалый. Выше четвёрки Надюшка почти никогда не поднималась.

Пяточок не подвёл и на других экзаменах. Там, где можно было получить тройку, Наде досталась четвёрка, диктант учительница оценила тоже в пять баллов...

Вот такие удивительные вещи. Магия же!

И наступила дача. Вернее, конечно же, лето наступило.

А вместе с дачей и летом – свобода (от недостатка которой, надо сказать, внучка колдуньи и так не страдала).

Город, в котором жила Надюшка, был небольшой, дачи находились совсем рядом с окраинным районом, где дислоцировались основные действующие лица этой истории. Так что потихоньку все – и Надежда, и её бабушка, и Артём с родителями, и Марьяна со своей семьёй, любовью и планами на будущее переместились на огороды, в мансарды и к поливальным установкам.

– ...Где??? Нары-балке?! А почему ты на рыбалке? Мы с тобой во сколько договорились встретиться? Что значит – «не помнишь»? Напоминалку себе поставь!.. А ты поставь такую, что можно издалека услышать...

Марьяна готова была заплакать. А плакала она очень обильно и капельно: кап-кап-кап! – стеклянными шариками выкатывались слёзы из её глаз и именно катились по гладким щекам вниз, оставляя круглые следы на одежде.

Этим вечером Марьяна Хвастович собиралась на свидание. А подлец Матвей... На рыбалке подлец Матвей! С удочкой. С пацанами. На вечернем клёве...

– Как какой-то дед... – наклонившись над тропинкой и яростно вытрясая свои шарики-слёзы из покрашенных глаз, проговорила Марьяна. – На вечернем клёве... Очень клёво... Надя, это нормально?

– А куда вы собирались идти? – Надя тут же попыталась

примерить эту ситуацию на себя. На гипотетическую себя – на ту, у которой тоже есть отношения. Вот как бы она на такую ситуацию реагировала?

– До дискотеки. Со всеми нашими там повидаться... – как своему психоаналитику принялась объяснять Марьяна. – А потом меня провожать. А потом по ситуации. В смысле смотря как Светка там со своим Серёгой... Если они с дачи срулили, если бабка домой поехала, а она собиралась, то тогда...

– А если Матвей не на речке? – принялась аналитически рассуждать Надюшка.

– Ха! Конечно, не на речке! – хмыкнула Марьяна. – На Высоковском пруду!

– Не важно. Я имею в виду – если он не с ребятами рыбу ловит, а с кем-то встречается? А?

– Ты злая, Стоеросова.

– Ты недалёкая, Хвостович.

Марьяна полностью расхотела плакать. Теперь нос её азартно трепетал ноздрями, глаза горели (казалось, последние слёзы в них ещё шипели, торопливо испаряясь). Марьяна Хвостович готова была действовать.

– Пойдём посмотрим?

– Пойдём!

И прямо в босоножках на высокой «платформе», от которой ноги у неё то и дело подворачивались на неровной тропинке, Марьяна решительно зашагала вперёд.

Надежда, конечно, не имела ни малейшего понятия о том, где может быть этот самый Матвей, чем заниматься и в какой компании. Но слова «с пацанами» было достаточно для того, чтобы понадеяться, что среди этих самых пацанов может оказаться и Артём.

О чувствах к которому Марьяне она сообщать не торопилась. Потому что Хвастович тут же начнёт советовать, как его завоевать, станет интересоваться, что и как. Радоваться, если у Нади ничего не будет получаться. Да-да, радоваться. Не прямо вот злорадствовать, но радоваться, а не печалиться – точно. Надя это хорошо знала. Так что для её же собственного имиджа выгодно было держать подругу в уверенности, что ни она, Надя Стоеросова, ни её, Надю Стоеросову, никто не любит. Это, правда, давало возможность востребованной и реализовавшейся девушке Марьяне Хвастович посмеиваться над никому до сих пор не интересной подружкой. Но Надя знала: подтрунивать на одну и ту же тему скучно, Марьянке надоест (и, кстати, почти уже надоело). Тогда как пытаться выяснить что-то из её личной жизни любопытной Хвастович не расхочется никогда.

Так что и ей, доброй девочке Наденьке, позлить подругу было даже приятно.

Ну вот так у них сложилось – девушки не церемонились и не щадили чувства друг друга, хотя знакомы были ещё с детского сада. Считались подружками. Нельзя сказать, что при этом одна другой делала гадости. Или, наоборот, были

они друг за дружку горой. Но без подколок, выяснения отношений и безжалостных комментариев они и дня не проводили. Так и общались. Привыкли. Ходили друг за другом хвостом. Стоеросова и Хвастович потому что! Надя и Марьянка. Марьяна и Надюшка. Злющие, завистливые и ехидные. Но всегда вместе.

– ...Так тебе важнее чего: сходить к дискотеке себя показать, – шагая вслед за длинноногой подругой, продолжала Надежда, – или с Матвеем побыть? Ну, вот честно – что важнее?

– Да мне и то важно, и другое! – не замедляя шага, с жаром объясняла Марьяна. – И это нормально! Мы красивая пара, мы должны гулять. Гулять надо обязательно...

– Да наловит он рыбы и придёт, никуда не денется, – пыталась успокоить Марьяну Надя.

– И на фиг он мне нужен с его рыбой? – Вот теперь Хвастович резко остановилась, Надежда налетела на неё и ткнулась своей блондинистой маковкой в её тщательно покрашенный рот. Помада хорошенько отпечаталась на гладких волосах, съехала немного Марьяне на щёку, но девушки даже не заметили этого.

– Не ну-у-у-у-жен?

– Ну а что это за хрень – рыбалка? Я кто ему?.. Вернулся дед с рыбалки ко своей ко старухе! – затрясла головой Марьяна, изображая деда. – Мы чего, супруги с сорокалетним стажем, чтобы мне сваво благовернаво с рыбалки ждать

и быть этим довольной? Мы – молодая пара, наши отношения полны романтики! Надо гулять, надо встречаться, надо, надо...

Тут она замолчала – потому что, заметив пристальный взгляд Надюшки, устремлённый в пространство за своей спиной, резко оглянулась.

Так и есть – на берегу пруда, к которому они столь стремительно двигались, стояла группа молодых людей. Медленно-медленно темнело, июньские сумерки длятся долго, так что всех присутствующих было хорошо видно.

Марьяна снова двинулась вперёд – до пруда оставалось метров пятьсот, а то и больше. Надежда старалась успеть за ней – успеть и, главное, разглядеть: кто там, с кем сейчас придётся общаться? Если Артём – то как себя вести, какую линию поведения выстраивать? Под девизом: «А мы мимо шли!»? Или «Ищем-ищем, заскучали»?

Так и есть – Матвея не видно, а Артём есть! Вот он, с удочкой – поднялся снизу, от берега, постоял, сказал что-то пацанам. Разобрать, что именно сказал, издали было тяжело. И снова спустился к воде. Далёкий противоположный берег пруда был более пологий, без деревьев, удобный такой фон для разворачивающейся картины семейной битвы...

– Ну, и где Матвейка-то? Эй, рыбачок! – думая о своём, писклявым голосом проскрипела Надя.

Марьяна шумно дышала и отвечать на эти слова не стала. Сморгнув лоб, она тщательно вглядывалась в компанию этих

самых рыбачков. Выискивала. Надеялась. Злилась, но надеялась. Что Матвей всё-таки рыбачок, а не предатель...

Надя посмотрела на подругу – и ей стало вдруг дико неудобно за то, что она заставила Хвастович так мучиться. Потому что было видно – Марьяна очень переживает. Очень. Её ведь кинул этот чёртов Матвейка – какой сценарий происходящего ни выбрать, каким боком ситуацию ни повернуть. Кинул. Пообещал и не выполнил обещанное. А Марьяна так или иначе в пролёте – потому что или ей предпочли рыбалку, или другую девушку (это в том, понятно, случае, если Матвея на пруду всё-таки нет). Выбирай не выбирай – неприятно...

Эти мысли отвлекли Надюшку от придумывания того, какую линию собственного поведения ей нужно будет избрать при встрече с Артёмом. Ведь в основном она, коварная интриганка, отправляла взбудораженную Хвастович на пруд разыскивать драгоценного Матвейчика именно для того, чтобы под эту лавочку увидеться с Артёмом.

Своим любимым молодым человеком, понятное дело.

Но и погрузиться в пучину стыда Надюшка не успела – во-первых, Артём собственной персоной пробежал по берегу, увидел девчонок, махнул рукой и, крикнув «Привет!», снова спустился к воде и скрылся из виду. А во-вторых, в эту же секунду один из парней крикнул: «Матвей!» – и, не очень разборчиво ещё что-то добавил. Кто-то, не видный из-за бугра (наверняка тот самый Матвей, Бормотов один на даче был

Матвей), ответил ему.

Услышав всё это, Хвастович опять остановилась, встала на цыпочки – всматриваясь и вслушиваясь. Её, девушку высокую и фигуристую, было видно издалека. И компании у пруда видно в первую очередь.

Марьяна тоже поняла это, снова быстро зашагала к пруду.

А потом вдруг резко развернулась – и со всех ног побежала обратно.

Ничего не понимающая Надя помчалась за ней.

Марьяна бежала и бежала, два раза упала, обзеленив и ободрав коленку о придорожную траву и мусор. От бо-соножки оторвалась застёжка, ноги Марьяны опасно вихлялись.

– Марьяна, куда бежим? – кричала ей Надя. – Бежим куда? Да стой же!

Хвастович не реагировала на призывы Нади. Бежала и бежала.

Наде пришлось приложить много усилий. И всё-таки она догнала подругу, схватила за талию, повисла на ней, заставив остановиться.

Они уже давно покинули хорошо просматриваемое пространство луговины, по которой шла тропа к пруду.

И у забора одной из ближайших дач девушки уселись на сложенные в штабель доски.

– Как же я заколебалась! – подняв к небу перекошенное

страданием лицо, воскликнула взаимно влюблённая девушка.

Шарики её удивительных слёз покатались в уши. Один за другим, один за другим.

– Я стараюсь, выстраиваю отношения... – продолжала Марьяна, не глядя на Надежду. – И ему всё нравится. Если бы не нравилось – сказал бы, да? Не говорит. Нравится ведь, значит, нравится! Я столько придумываю, чтобы была романтика... Но вот так бегать унижаться я не могу... Пропади оно всё пропадом.

Надя посмотрела на Марьянку с уважением. «А я бы так смогла?» – пронеслась у неё насторожённая мысль.

– Я не собачонка, – Марьяна встала с доски, отряхнулась, разулась, осмотрела босоножку, которая могла теперь крепиться к ноге только тремя тонкими перепонками у самых пальцев. Размахнулась – и запустила свою парадную обувь на пятнадцатисантиметровой «платформе» в пышные кроны чьего-то сада.

Снова отряхнула руки о подол – хотя ни пыли, ни грязи на них заметно не было. Махнула головой в значении «Пойдём!» – и зашагала по дороге. Даже не удосужившись посмотреть, следует за ней подруга или нет.

– Правильно, правильно... – Подруга, конечно же, заторопилась за Марьяной. – Захочет прощения у тебя попросить, захочет, чтобы всё наладилось, – сам прибежит! Прибежит ведь. А ты как? Ты простишь?

– Прощу, конечно! – убеждённо фыркнула Марьяна. – Главное, чтобы извинялся.

Девушки шагали теперь рядом. Марьяна размахивала невредимой босоножкой, раскручивая её за длинный узкий ремешок – надеясь, наверное, что он тоже сейчас оторвётся. Не так будет обидно тогда и эту босоножку выбрасывать.

– Ну да, правильно. Он придёт, только если захочет извиниться...

– Вот как придёт – послушаю!

– Да, да, правильно!

Марьяна замедлила шаги, остановилась, замерла. Закрывает глаза, развела руки. Надя с удивлением смотрела на неё и ждала, что будет дальше.

– Да. Пришла пора магически на него воздействовать, Надюшка! – схватив подругу за плечи и встряхнув, воскликнула Марьяна.

– Нет, нет, нет! Бабушка ещё раз тебе гадать не будет, – с уверенностью замотала головой Надя.

Она помнила, как недавно ругались мама и бабушка – за то, что ясновидящая Мария одурманивает несовершеннолетних. Бабушка отстаивала свою уникальность и непорочность, но мама всё равно взяла со своей свекрови обещание не обрабатывать малолетних клиентов.

– Совершенно понятно, мама, что вы формируете будущий рынок, вербуете потенциальных клиентов, – Надины мама и бабушка говорили тогда на повышенных тонах, и это

была реплика мамы. – Мы вам запрещаем это делать. Иначе придётся и запретить Надежде видаться с вами.

Вот такая история случилась в благородном семействе Стоеросовых. Поэтому-то Надюшка и кричала сейчас: «Нет, нет, нет!»

– Хе, да при чём тут твоя бабка-то? – удивилась Марьяна. – Сами нагадаем. И сама я буду воздействовать. То есть не я, а силы природы. Праздник Ивана Купалы скоро, слышала о таком?

– Слышала...

– Так вот, мы на этом празднике будем усиливать свою женскую привлекательность, Надюха! – воскликнула Марьяна. – Вот, я всё прочитала, всё знаю! Википедия, подруга!

С этими словами Марьяна вытащила из кармана телефон и потрясла им в воздухе.

– И Светка моя будет отмечать Ивана Купалу!

– Это через костры прыгать, как Снегурочка?

– Да! Взавшись за руки со своим любимым человеком. Если руки не расцепить, когда будешь прыгать, – то поженишься! – Глаза Марьяны, круглые, серо-бурого цвета, точного названия которому не подобрать, сейчас сияли и только что искрами не сыпали. – Но и не только! Чего ты кривишься?

– Ничего я не кривлюсь...

– Кривишься, я же вижу... Думаешь, фигня.

– Да не думаю!

– Думаешь, думаешь... Что типа непрофессионально, са-

мопал...

– Да при чём здесь... – Надюшка никак не могла понять, чего от неё хочет воодушевившаяся подруга, в чём обвиняет. А Надя знала, что Марьянка – огонь-человек! Если загорится чем-то, выжигает своим напором всё вокруг.

– Но не думай, не только твоя бабка гадает и ворожит, – Марьяна комично дёрнула головой, задрав нос. – Это всё правда, это традиции тысячелетней старины! Молитвы-гадания – это всё хорошо, но тут сама природа за нас! Понимаешь?

Надежда кивнула, соглашаясь.

Марьяна обрадовалась.

– На Ивана Купалу не только клады искать можно, не только какой-нибудь там цветок папоротника! – воскликнула она со всей своей страстью. – Это праздник жизни и любви в первую очередь! Семейный. Мы со Светкой всё про него прочитали. Она и в прошлом году, кстати, ходила. Тут, на даче... Знаешь, как круто было! Я как-то прощёлкала... Дома, кажется, была. Но в этом году не упущу! Мы с тобой вместе пойдём! Чтоб было и тебе счастье. И всё будет, Надька!

С этими словами Марьяна размахнулась и запулила вторую босоножку куда глаза глядели. Глядели они сейчас у Марьяны явно в светлое будущее, далёкое, хоть счастливое, но пока ещё туманное и расплывчатое, а потому и обувь полетела непонятно куда. Бомммм! – раздалось из-за забора. Видимо, босоножка угодила в жестяное корыто или таз.

БАМ! Дзынь! Бара-бам, БАМ, БАМ! – тут же что-то начало валиться и сыпаться.

– Ах, чтоб вас, кто ж это там кидается?! – немедленно последовал вслед за этим крик. И добавление о человеческих качествах кидавшего, уже матом. – Трамтарарам-тарарам-там-там!

– Бежим! – Марьянка дёрнула Надю за рукав и помчалась по дороге, шлёпая босыми ногами по пыли.

Надя бежала и думала. Она помнила, что и в прошлом году кто-то тут, в дачном посёлке, ходил ночью жечь костры – кстати, на это самое поле, по которому они только что бежали от пруда. По этому полю, точнее, пастбищу, когда-то бродили коровы, а теперь оно зарастало потихоньку бурьянами и тоненькими деревьями. В прошлом году на этот праздник Надежду мама, разумеется, не пустила. Да она сама особо и не рвалась.

Это ведь на самом деле то, что надо!

Отбежав на безопасное расстояние и завернув за угол, девушки остановились.

– Ты почитай, почитай про Купалу-то! – переводя дыхание и снова повертев телефоном под носом у подруги, порекомендовала Марьяна. – Интернет для кого придуман? Для нас, Надька, чтобы мы наши славянские традиции в жизнь воплощали! Чтобы поближе к природе-то жили, а? Понимаешь? Бог-то, он когда появился? А с ним и молитвы, и церкви, и свечи-лампадки! Всего какие-то две тысячи лет назад

появился, вот! Считай, недавно. А наше славянское всё – может, сто тысяч лет, как до него, до Бога, уже было! Да! Наши предки ещё в дуплах жили, а праздник Купалы уже отмечали. С природой предки соединялись, а она им объясняла, что делать, помогала, подсказывала. В общем, и мы должны от природы помощи набраться. Денег у нас нет, вряд ли особо будут, мы не дети олигархов, и даже не какого-нибудь там среднего класса. Так что пусть природа нам помогает.

Надя до этого ни разу не слышала, чтобы Марьянка говорила такие длинные речи. Она, как, впрочем, и подруга, не блистала в школе ни по одному предмету, умной девочкой не считалась. В институт поступать не стремилась, так что её родители даже не планировали напрягаться поиском денег на её будущее образование. Марьяна планировала просто жить. Работать где-нибудь, замуж выйти, семьёй заниматься, жизнью своей. Жить, в общем, и радоваться.

И тут вдруг – опа! Речь! Наболело, значит, у Марьянки...

Не став больше спорить, Надюшка пообещала подумать о возможности своего участия в проекте «Праздник Ивана Купалы». Изучить информацию о нём, чтобы быть в теме. Заинтриговала подруга.

И, оставив Марьяну возле калитки у её дома, Надя направилась к себе.

Показывать, что всерьёз заинтересовалась Марьяниным предложением получить магическую помощь у природы-ма-

тушки, Надежда, конечно же, не стала. Пусть Хвастович её поупрашивает. Попереживает.

На самом же деле все её мысли теперь были о помощи сил природы, которые не зависят от манипуляций третьих лиц.

Придя домой, Надежда забила в свою крошечную комнату под самой крышей дачи, вытащила телефон и открыла поисковую программу...

А на дачу приехала бабушка. Заслуженный трудами праведными отдых она планировала организовать себе именно здесь.

Бабушка тут же освоила всё пространство, вольготно устроилась в самой большой комнате и мигом обжилась. По всему пространству маленького домишка расставила своих богов – так что теперь из каждого угла смотрели иконки, на каждой полочке или тумбочке стояли свечи, статуэтки и открытки с изображениями святых и фотографиями особенно намоленных мест – как мирового уровня, так и местного значения.

Маму, взявшую несколько отгулов, чтобы провести их с дочерью на даче, тут же сдуло домой. Папа навевался только по выходным, обычно с пятницы на субботу. Отдыхал с друзьями до глубокой ночи, потом спал весь день. Мама будила его очередью звонков мобильного телефона. Папа прочухивался и отправлялся к ней.

А Надя и бабушка оставались вдвоём. Надя пообещала

маме полоть сорняки, вечером поливать грядки и в теплице, не прозевать созревание клубники, появление колорадских жуков на картошке. И выполняла обещанное.

А бабушка никому ничего не обещала. Бабушка наслаждалась. Она допивала свои наливочки, приготовленные ещё прошлым летом, мыла тару для новой партии, которую планировала ставить именно на даче. Подолгу лежала в гамаке под сливами, обмахивалась веером и учила Надюшку жизни. Надюшка училась хорошо, особенно в телефоне, наушники от которого надёжно скрывала под распущенными волосами. Бабушкина прозорливость на это, к счастью, не распространялась, тем более что Надежда согласно кивала в нужных местах. Так что Мария Ксенофонтовна не догадывалась, что внучка слушает не её, а музыку. И была довольна. Поучив Надюшку и устав от этого, она принимала очередную рюмку, закусывала зефирчиком или шоколадкой. И сладко засыпала. Когда внучки не оказывалось поблизости, она не менее сладко спала под верещание телевизора, который выносила себе на улицу и ставила на табуретку у крыльца (далее удлинитель не дотягивался). Антенна ловила всего одну программу, но Мария Ксенофонтовна привыкла довольствоваться малым и не роптала.

Но постепенно отдыхать ей становилось всё скучнее и скучнее, общество со всем согласной внучки не радовало.

Пришлось аккуратно рассказать о своём скромном бизнесе – сначала возле магазина, потом на автобусной остановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.